УДК 821.161.1: 82.09

ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ 1860-х ГОДОВ

© ***Затеева Татьяна Владимировна***
доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
E-mail: vlatat1954@yandex.ru

© ***Козулина Татьяна Андреевна***
магистрант гр. 18162м,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
E-mail: t.kozulina2010@yandex.ru

В статье определяется специфика рецепции романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в литературной критике 1860-х годов. На материале отзывов критиков эстетического направления Н. Д. Ахшарумова, П. В. Анненкова, Н. И. Соловьева, писателя И. С. Тургенева изучается вопрос о роли прижизненной критики в становлении жанровой истории романа-эпопеи «Война и мир». Выявляются особенности литературно-критических позиций авторов в полемике вокруг вопроса о жанровом новаторстве Толстого: признание отличия «Войны и мира» от жанрового канона по образцу исторических романов В. Скотта; определение черт, затрудняющих жанровую дифференциацию романа. Устанавливается, что общность эстетических взглядов критиков обусловила сосредоточенность на определении художественных открытий Толстого — умения создавать «живописные картины» исторической, военной и семейной жизни. Определяется значение рецепции Тургенева в решении вопроса об эпическом характере романа «Война и мир».
Ключевые слова: Толстой, «Война и мир», рецепция, исторический роман, герой, эпопея, новаторство, толстоведение.

Для современной филологической науки творчество русского писателя-классика, оригинального мыслителя и гуманиста Л. Н. Толстого является объектом постоянного внимания в силу неисчерпаемости смыслов, заложенных в каждом его произведении: художественной прозе и драматургии, публицистике и литературной критике, письмах и дневниках.

Усилия ученых-филологов, направленные на осмысление творческого наследия Толстого, привели к формированию толстоведения, которое к настоящему времени представляет собой не поддающийся количественному исчислению многоаспектный объем научного знания о писателе. В литературоведении последних десятилетий актуализированы научные исследования, позволяющие определить общие методологические установки, характерные для того или иного этапа в толстоведении, а также выявить и охарактеризовать многообразие частных исследовательских методик в изучении творчества Л. Н. Толстого.

Особое место в изучении специфики восприятия наследия Л. Н. Толстого занимают работы, посвященные осмыслению особенностей литературно-критической и литературоведческой рецепции романа «Война и мир». В поле зрения ученых находятся различные интерпретационные модели романа в контексте известных широкому кругу филологов вопросов, связанных с определени-

ем проблематики романа, в которой нашли отражение размышления писателя по широкому кругу вопросов: исторических и философских, религиозных и социальных, психологических; изучением жанровой специфики и системы персонажей романа; определением метода и стиля писателя-романиста; исследованием романа в историко-функциональном аспекте, выявлением взаимосвязей «Войны и мира» с произведениями других авторов; изучением интерпретации романа другими видами искусства.

Материалом для настоящей статьи послужили работы тех литературных критиков, в которых впервые был поставлена проблема жанровой специфики романа «Война и мир».

Публикация первой части романа «Война и мир» — «1805 год» состоялась в 1865 году в журнале «Русский вестник» (роман тогда еще не имел хрестоматийного названия). О новом произведении сразу заговорили в обществе, а в первых, в своем большинстве кратких и часто анонимных отзывах, которые не заставили себя ждать, кроме оценочных суждений о романе, были поставлены вопросы, породившие многолетнюю дискуссию об исторических, философских, эстетических воззрениях автора и их художественном воплощении. В этих рецензиях также впервые прозвучал вопрос о жанре нового произведения Л. Н. Толстого, ответ на который будет суждено искать многим поколениям толстоведов. Так, задавшись вопросом «что такое «Война и мир?», анонимный рецензент газеты «Голос» в 1865 году писал: «Что это такое? К какому разряду литературных произведений отнести его? Полагать надо, что и сам граф Толстой не решит этого вопроса, судя по тому, по крайней мере, что он не отнес своего произведения ни к какому разряду, не назвав его ни повестью, ни романом, ни записками, ни воспоминаниями... Что же это всё? Вымысел, чистое творчество или действительные события? Читатель остается совершенно в недоумении, как ему смотреть на рассказ обо всех этих лицах. Если это просто произведение творчества, то зачем же тут фамилии и знакомые нам характеры? Если это записки или воспоминания, то зачем этому придана форма, подразумевающая творчество?» [5]. Ему вторил в 1866 году также анонимный критик журнала «Книжный вестник»: «Это не роман, не повесть, а скорее какая-то попытка военно-аристократической хроники прошедшего, местами занимательная, местами сухая и скучная» [9]. Еще один пример непонимания современниками Толстого его напряженного поиска жанровой формы, адекватной многообразию заключенного в ней разнородного материала продемонстрировал автор отзыва в том же «Голосе» в 1868 году: «Мы называем сочинение графа Л.Н. Толстого романом только для того, чтоб дать ему какое-нибудь имя; но «Война и мир», в строгом смысле слова, не роман. Не ищите в нём цельного поэтического замысла, не ищите единства действия: «Война и мир» — просто ряд характеров, ряд картин, то военных, то на поле битвы, то вседневных, в гостиных Петербурга и Москвы» [6].

Как видим, для авторов первых рецензий вопрос о жанровой принадлежности романа «Война и мир» остался открытым. Пожалуй, самый точный из «неточных» ответов дал автор публикации в газете Голос» за 1865 год в подзаголовке: «Необыкновенное и неопределенное произведение графа Льва Толстого», отразившем всеобщее недоумение в понимании новаторства произведения Толстого [5].

Развернутые аналитические суждения о романе появятся позднее. Их авторами, признавшими несомненный успех «Войны и мира » Л. Н. Толстого, а также

высказавшими неоднозначные и полемические по духу суждения о проблематике и героях нового произведения, о толстовском историзме, философии и психологизме, частично сохраняющими свою актуальность в наши дни, стали представители разных направлений в литературной критике того времени П. В. Анненков, Н. Д. Ахшарумов, Д. И. Писарев, Н. И. Соловьев, Н. Н. Страхов и др. Именно в их статьях были заложены основные векторы в последующем изучении романа, в том числе в решении вопроса о его жанровой принадлежности.

Одним из первых критиков, попытавшихся определить жанровую принадлежность «Войны и мира», был критик эстетического направления, автор трех публикаций о романе Н.Д. Ахшарумов. Свое размышление критик начал с категорического отрицания рассмотрения толстовского романа с точки зрения традиционных жанровых форм: «Это не хроника и не исторический роман. Хотя оно и подходит по форме довольно близко к последнему; но содержание его лишено драматического единства; действие не имеет центра; завязка, интрига, развязка, — все это опущено; мало того, рассказ, очевидно, не кончен, но смысл его не страдает нисколько от всех этих недостатков, которые потому мы не можем признать недостатками» [2, с. 11]. Выход Толстого за пределы устоявшихся жанровых границ Ахшарумов правомерно связал не только с задачей, которую писатель поставил перед собой, но и с его главным творческим принципом — говорить правду: «Напротив, нам кажется, что более строгая рамка была бы стеснительна, требуя для своей полноты таких вещей, каких автор не мог и не должен был вовсе иметь в виду. Задачей его был: очерк русского общества шестьдесят лет назад, и мы должны отдать справедливость вкусу, с которым, отбросив все лишние орнаменты и всякую претензию на эффект, он принес в жертву этот последний строгому требованию исторической правды» [2, с. 11].

Вопрос о жанре «Войны и мира» получил развитие в следующей работе критика «Война и мир». Сочинение гр. Толстого. 1–4 части», в которой, избегая однозначного вердикта жанру «Войны и мира», Ахшарумов, как и в предыдущей статье, использовал полюбившееся ему сравнение романа с «картиной»: «Поэтический очерк, напечатанный автором назад тому года два, под заглавием «1805 год», вырос из маленькой книжки в обширное, многотомное сочинение и является теперь перед нами уже не очерком, а большою историческою картиною. Содержание этой картины полно красоты поразительной; но оно так обширно и так многосложно, что оценить его сразу в полном размере его достоинства почти невозможно и надо долго приглядываться, прежде чем связь между отдельными частями выяснится» [3, с. 86]. В доказательство своего определения романа как «картины» критик апеллировал к особому художественному — пластическому, живописному — приему, — который, по его мнению, преобладает над «драматическим и лирическим содержанием»: «Сочинение это — прежде всего картина. Количество ярких красок, употребленных автором в дело, число пестрых сцен и характерных фигур, изображаемых им по преимуществу с их наглядной и лицевой стороны, множество бесподобных ландшафтов и разного рода сценической обстановки, встречаемых нами на каждом шагу, — все это дает перевес стороне картинной» [3, с. 95]. Вместе с тем, по словам Н. В. Володиной, Ахшарумов «уже с определенностью говорит о «Войне и мире» как о романе, хотя предупреждает от ошибочного подхода к произведению Толстого в соответствии со стереотип-

ными представлениями о жанре исторического романа «по образцу Вальтера Скотта»» [8, с. 109–110].

Мнение Н. Д. Ахшарумова о том, что главное отличие толстовского романа от исторических романов В. Скотта заключается в его новой форме, основанной на ином характере народной жизни, оказалось, безусловно, перспективным для становления толстовской жанрологии, в которой утверждение «Войны и мира» как произведения, опирающегося на национальную историю и насыщенного глубоким философским смыслом станет основополагающим. В качестве жанрообразующего принципа романа «Война и мир» автор назвал «тип русского человека в эпоху его перерождения», который, по его мнению: «… составляет собою тот личный центр, в котором сосредоточивается и воплощается весь исторический интерес и исторический смысл картины…» [3, с. 91]. К сожалению, в дальнейшем к оценке полного текста романа критик не возвращался. В вопросе о жанре «Войны и мира», таким образом, сохранилась определенная интрига.

В том же году с оценкой жанра романа «Война и мир» выступил также критик «эстетического направления» П. В. Анненков. В статье «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир»» он, опираясь на образец исторического романа, созданный В. Скоттом, сосредоточил внимание на обнаруженных им в толстовском романе значительных отклонениях от него. Таковыми для критика явились разрушение границы между «романическими» и «историческими» персонажами, которых автор создает с одной и той же точки зрения «маленькой истории», т. е. через быт; отсутствие «узла романического действия», «фабулы», «интриги» и трудность в определении главных героев романа; отсутствие в романе «элемента разночинцев, получавшего все большее и большее значение в жизни»; связь героев не только с прошлым, но и настоящим [1, с. 39, 40, 41–42, 45, 55, 56], обусловленные, по мнению автора, интересом Толстого к исторической составляющей романа. Однако, с точки зрения Анненкова, все это не способствовало главному условию романа — «романическому развитию». Более того, вопреки сложившейся в исторических романах со времен В. Скотта традиции размещать «исторические факты» на втором плане, изображать их исключительно как фон для развертывания «романической интриги», Толстой, по мнению критика, поступил противоположным образом. Не подвергая сомнению талант писателя, проявившийся в способности воплощать в жизнь то, что критик назвал «редким соединением олицетворенных и драматизированных документов с поэзией и фантазией свободного вымысла» [1, с. 38–39]; а также в умении мастерски рисовать «сцены военного быта» и изображать «военные массы», как «единое, громадное существо, живущее своей особенной жизнию, имеющее свои страсти, симпатии, даже мыслящее и по-своему возражающее на ошибочные или неверные распоряжения…» [1, с. 50], Анненков отметил, что при этом «большое колесо» романа «еле-еле меняло свое положение, не приводя в действие настоящего рычага, нужного для дела, а только заставляя играть … маленькие колеса, занятые чужой посторонней работой [1, с. 45]. Последнее замечание побудило критика сделать неутешительный вывод: «Недостаток развития повлиял неблагоприятно… на историческую и бытовую сторону… произведения» [1, с. 48].

Таким образом, противопоставив «Войну и мир» Толстого традиционному историческому роману, П. В. Анненков, по сути, как и Н. Д. Ахшарумов, подчерк-

нул его «нетрадиционность» по отношению к уже существующим «вальтерскоттовским» образцам в западноевропейской и русской литературах. Тон выступления Анненкова можно оценить двояко: с одной стороны, признание критиком безусловного дарования Толстого в создании исторической «диорамы, исполненной красок, света, темных масс вооруженного народа и выделяющихся в ней образов» [1, с. 42], дает основание говорить о его безусловно тонком эстетическом чутье. С другой стороны, утверждение о том, что «во всяком романе великие исторические факты должны стоять на втором плане...», свидетельствует об известном догматизме критика, который, оставаясь в плену сложившихся представлений о романном повествовании исторического характера, не смог в полной мере оценить одно из главных художественных открытий Толстого.

Отметим мнение еще одного представителя «эстетической» критики по вопросу о жанре «Войны и мира», Н. И. Соловьева, высказанное в статье «Война или мир?». Целью статьи, по заявлению автора, однозначно признавшего успех толстовского романа, явилось формирование объективной критической оценки, без которой всякое произведение является «как бы недоконченным» [11, с. 171]. В известной степени развивая мысль Н. Д. Ахшарумова о том, что в романе «Война и мир» автор «дал ряд исторических и философских антиномий, предоставив читателю выпутываться из них как знают» [4, с. 12], Соловьев указал, что вместо «основного события или всесвязывающего характера» в романе представлены тесно связанные между собой «сцены и картины жизни»: «Жизнь во всей ее совокупности является, таким образом, главным действующим лицом в произведении, а созерцание ее почти невольною умственною работою читателя» [11, с. 172]. Размышляя о форме (т. е. жанре) «Войны и мира», критик отметил ее простоту и оригинальность, которые усмотрел в особом толстовском приеме: «Автор не рассказывает о событиях и происшествиях, а как бы живописует их перед читателем. На крупный исторический факт у него всегда кто-нибудь из обыкновенных смертных, а по впечатлениям этого простого смертного уже составляется художественный материал или оболочка события. …Под пером автора, таким образом, является бесконечная вереница друг за друга цепляющихся происшествий…» [11, с. 172]. Заметим, что в этой характеристике художественного приема был отмечен тот же признак, что и в характеристике, данной Н. Д. Ахшарумовым: «живописность», составляющая важную черту толстовского стиля. Объяснение этому факту мы находим в общности эстетических воззрений критиков.

Определив «Войну и мир» как «поэму-роман», критик, по сути, отталкивался от собственного признания «жизни» в качестве главного действующего лица. «Война и мир», по его мнению, представляет собой новую форму, соответствующую «обыкновенному ходу жизни» и «безграничную, как сама жизнь»: «Романом просто назвать «Войну и мир» нельзя: роман должен быть гораздо более определеннее в своих границах прозаичнее в содержании: поэма же, как более свободный плод вдохновения, стеснению никакому не подлежит [11, с. 172]. Развивая мыль о «поэмном» начале романа, Н. И. Соловьев отметил такое важное свойство толстовского гения, как умение изображать жизнь как «движущуюся панораму», в переходах от одного состояния до другого: «…все это бежит ровно, спокойно, то поражая читателя яркостью красок, то согревая мягким теплым колоритом, то наводя грусть раздирающими душу образами. Сейчас вы видели ка-

кие-нибудь мирные семейные сцены, сейчас, вслед за тем, выдвигается незаметно, и сцена приготовления к бою; все это в одном тоне, одним как бы росчерком пера. Автор, таким образом, … говорит своим произведением: вот вам картина войны, а вот вам и картина мира — выбирайте, что лучше» [11, с.173].

В начавшейся полемике вокруг жанра «Войны и мира» принял участие и сам Л. Н. Толстой, который, однако, не только не прояснил, но обострил суть вопроса: «Что такое Война и Мир? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. Война и Мир есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от Мертвых Душ Гоголя и до Мертвого Дома Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» [13, т. 16, с. 7].

В этом, уже неоднократно цитируемом высказывании Л. Н. Толстого важны, по нашему мнению, два положения: первое касается нежелания писателя вмешиваться в полемику и определенным образом навязывать свое мнение ее участникам; второе отражает его принципиальное убеждение в уникальном характере современной ему русской литературы, обнаруживающем себя, прежде всего, на уровне жанра.

Таким образом, с самого начала жанровая история «Войны и мира» формировалась в русле двух основных направлений: критики признавали толстовское произведение как роман, но с существенными оговорками, а также акцентировали в нем черты, разрушающие уже существующее представление о романном жанре. Однако нельзя не признать, что абсолютное большинство критиков использовало в своих рассуждениях и оценках именно термин «роман». Со временем «поэтические» определения («картина») вышли из оборота и уступили место ставшей классической дефиниции «Войны и мира» как романа. Общность эстетических воззрений Н. Д. Ахшарумова, П. В. Анненкова, Н. И. Соловьева обусловила сосредоточенность на выявлении художественных открытий Толстого и определила их интерес к жанровой форме «Войны и мира».

В контексте нашей статьи заслуживает внимания писательская критика о «Войне и мире». А. А. Фет, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков — вот далеко не полный перечень писателей-современников Л. Н. Толстого, перу которых принадлежат многочисленные отзывы о романе. Из писем самого Л. Н. Толстого известно, что особенно важным для него представлялось мнение И. С. Тургенева, которое, заметим, не оставалось неизменным: в разные годы писатель то восторгался романом, то подвергал его пристрастной критике. Более того, многие тургеневские отклики напоминают собой причудливое смешение восторга и недовольства, которые автор одновременно испытывал при прочтении романа. Нам же представляется, что чем глубже Тургенев погружался в стихию толстовского романа, тем очевиднее для него становились и масштаб авторского замысла, и гениальность его воплощения.

Остановимся на некоторых отзывах И. С. Тургенева о романе, которые содержатся в его письмах П. В. Анненкову, чья статья «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир»» произвела на писателя благоприятное впечатление. Высказав удовлетворение от прочтения романа, который «… возбудил во мне весьма живой интерес: есть целые десятки страниц сплошь удивительных, первоклассных, — всё бытовое, описательное (охота, катанье ночью и т. д.)», Тургенев остановился на тех недостатках, которые вызвали у него неприятие. Главные претензии писателя были высказаны в адрес исторического контекста романа: «Историческая прибавка, от которой читатели в восторге, — кукольная комедия и шарлатанство…»; его особого психологизма: «И насчет так называемой «психологии» Толстого можно многое сказать: настоящего развития нет ни в одном характере,... а есть старая замашка передавать колебания, вибрации одного и того же чувства, положения, то, что он столь беспощадно вкладывает в уста и в сознание каждого из своих героев: люблю, мол, я, а в сущности ненавижу и т. д., и т. д. Уж как приелись и надоели эти quasi-тонкие рефлексии и размышления, и наблюдения за собственными чувствами!..»; внимания писателя к деталям: «И как мучительны эти преднамеренные, упорные повторения одного и того же штриха — усики на верхней губе княжны Болконской и т. д.» [14, т. 8, с. 129].

В приведенной характеристике толстовских «промахов» проявилась свойственная писательской критике черта: судить о произведении автора с позиций собственной писательской манеры. Так, для Тургенева, сторонника «тайного» психологизма, обостренное внимание Толстого ко всем движениям и изменениям во внутреннем мире человека, было неприемлемым. Отсюда категорический тургеневский вывод: «Другой психологии Толстой словно не знает или с намерением ее игнорирует» (Заметим, что высказанные замечания почти дословно повторяются в тургеневском письме Я. П. Полонскому: «Роман Толстого — вещь удивительная; но самое слабое в нем — именно то, чему восторгается публика: историческая сторона — и психология. История его — фокус, битье тонкими мелочами по глазам; психология — капризно-однообразная возня в одних и тех (же) ощущениях. Всё бытовое, описательное, военное — это первый сорт; и подобного Толстому мастера у нас не имеется») [14, т. 8, с. 148]. Вместе с тем высказанные замечания Тургенева об особенностях толстовского художественного метода (историзме, «диалектике души», внимании к деталям), какими бы существенными они не представлялись Тургеневу на тот момент, не отменяли безусловных достоинств романа: «Со всем тем, есть в этом романе вещи, которых, кроме Толстого, никому в целой Европе не написать и которые возбудили во мне озноб и жар восторга» [14, т. 8, с. 129].

Однако с течением лет в тургеневском восприятии романа «Война и мир» возобладала положительная оценка, чему в немалой степени способствовало неоднократное возвращение писателя к роману. Известно, что Тургенев часто его перечитывал, и каждое прочтение рождало новую критическую рефлексию, пафосом которой становилось безоговорочное признание таланта Толстого: «Там, где он касается земли, он, как Антей, снова получает все свои силы: смерть старого князя, Алпатыч, бунт в деревне, всё это — удивительно [14, т. 8, с. 184–185]. С течением времени писателю все более очевидным становилось новаторство Толстого, о котором он, в частности, напишет в письме к редактору фран-

цузской газеты «Le XIX-e siècle» Э. Абу. Рекомендуя французским читателям Толстого как наиболее известного современного русского писателя, Тургенев назвал «Войну и мир» одной «из замечательнейших книг нашего времени» и особо отметил ее выдающуюся черту — эпическое начало, не имеющее ничего общего с известными историческими произведениями: «Дух эпоса веет в этом обширном произведении, где мастерски обрисован общественный и частный быт России в первые годы нашего века. Целая эпоха, богатая великими событиями и крупными фигурами,.. целый мир, множество типов, схваченных живьем, из всех кругов общества, развертываются пред читателем. Способ, каким граф Толстой обрабатывает свой предмет, столь же своеобразен, как и нов; это — не метод Вальтера Скотта, и, само собою разумеется, также не метод Александра Дюма». Не менее значимой в тургеневском письме явилась мысль о национальном своеобразии романа: «Граф Толстой — русский писатель до мозга костей; и те из французских читателей, кого не оттолкнут немногие длинноты и причудливость некоторых оценок, будут вправе сказать себе, что «Война и мир» дала им более непосредственное и верное представление о характере и темпераменте русского народа, вообще о русской жизни, чем если бы они прочитали сотни сочинений по этнографии и истории. Здесь есть целые главы, в которых никогда не придется ничего изменить; здесь есть исторические лица (как Кутузов, Растопчин и другие), чьи черты установлены навеки; это — непреходящее. (…)». Допуская, что для иностранных читателей «глубокая оригинальность» Толстого может явиться препятствием для понимания его книги, Тургенев в конце письма счел необходимым еще раз вернуться к мысли о величии автора и его творения: ««Война и мир» — великое произведение великого писателя, — и это подлинная Россия» [14, т. 15, с. 187–188]. Позднее в предисловии к французскому переводу повести Л. Н. Толстого «Два гусара» Тургенев разовьет мысль о жанровой природе романа: «Война и мир» произведение оригинальное и многостороннее, заключающее «в себе вместе эпопею, исторический роман и очерк нравов» [15, с. 229]. Это суждение нам представляется особенно важным: Тургенев, по сути, первым сформулировал ставшее впоследствии классическим определение жанра «Войны и мира» как романа-эпопеи.

Заметим, что само понятие «эпопея» в критике о романе «Война и мир» появилось раньше [7, с. 823] и вскоре стало в критических суждениях общим местом. Так, А. С. Суворин в рецензии, опубликованной в журнале «Русский инвалид», писал: «Это — спокойная эпопея, написанная поэтом-художником, который выводит пред вами живые лица, анализирует их чувства, описывает их поступки с бесстрастием пушкинского Пимена. Отсюда — достоинства и недостатки романа» [12].

При этом, сознавая спорность своего утверждения, критик высказал, вне всякого сомнения, верную мысль о невозможности рассматривать толстовский роман с позиций гомеровского эпоса: ««Война и мир» не может быть «Илиадою», и гомеровское отношение к героям и жизни невозможно» и объясняет это невозможностью «с одинаковым спокойствием и самоуслаждением описывать и прелести псовой охоты вместе с достоинствами собаки Карая, и величественную красоту, и умение негодяя Анатоля держать себя, и туалет барышень, отправляющихся на бал, и страдания русского солдата, умирающего от жажды и голода в одной палате с разложившимися мертвецами, и такую ужасную бойню, как

Аустерлицкая битва» [12]. По сути, критиком были определены два важных для понимания жанровой формы «Войны и мира» аспекта: первый был связан с утверждением эпического начала в романе; второй касался принципиального отличия толстовского произведения от традиции, восходящей к Гомеру. Заметим, что последующие поколения толстоведов будут вести исследования жанровой специфики «Войны и мира» именно в этих двух направлениях.

Развивая плодотворную идею переклички «Войны и мира» с «Илиадой», писатель Н. С. Лесков, также предложивший рассматривать толстовский роман как эпопею, указал, что он обладает одним из основополагающих признаков эпического произведения — «национальным эпическим прошлым» (Бахтин М. М.), каким для Толстого, безусловно, являлась Отечественная война 1812 года: «В этом смысле роман графа Толстого можно было в некотором отношении считать эпопеею великой и народной войны, имеющей своих историков, но далеко не имевшей своего певца. Где слава, там и сила. В славном походе греков на Трою, воспетом неизвестными певцами, чувствуем роковую силу, дающую всему движение и через дух художника вносящую неизъяснимое наслаждение в наш дух, — дух потомков, тысячелетиями отделенных от самого события. Много совершенно подобных ощущений дает автор «Войны и мира» в эпопее 12 года, выдвигая пред нами возвышенно простые характеры и такую величавость общих образов, за которыми чувствуется неисследимая глубина силы, способной к невероятным подвигам. Многими блестящими страницами своего труда автор обнаружил в себе все необходимые качества для истинного эпоса» [10, с. 3].

Таким образом, уже в первых критических отзывах о романе Л. Н. Толстого «Война и мир» была не только декларирована мысль о новаторском характере его жанровой формы, но были сделаны открытия, ставшие фактически отправной точкой в формировании жанровой истории произведения. Первые критики «Войны и мира», идя разными путями, тяготея к традиционным трактовкам романа как исторического, семейного повествования, вместе с тем выявили в нем черты оригинальности и самобытности, не укладывающиеся в рамки привычных представлений. Полемический накал многих критических выступлений свидетельствует о безусловно пионерском шаге Л. Н. Толстого, создавшего произведение, в котором были синтезированы романное и эпическое начала.

Литература

1. Анненков П. В. Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир» / Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. Л.: Изд-во ленинградского госуниверситета, 1989. С. 38–58.
2. Ахшарумов Н. Д. 1805 год: Сочинение графа Льва Толстого // Всемирный труд. СПб., 1867. № 6.
3. Ахшарумов Н. Д. «Война и мир». Сочинение гр. Толстого. 1–4 части / Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. Л.: Изд-во Ленинградского госуниверситета; СПб., 1989. С. 86–115.
4. Ахшарумов Н. Д. «Война и мир». Сочинение гр. Л. Н. Толстого, часть V // Всемирный труд. СПб., 1869. № 3.
5. «Голос», 1865. № 93 от 3 апреля («Вседневная жизнь», «Обзор журналов»).
6. «Голос». 1868. № 11. С. 1 («Библиография и журналистика». Без подписи).
7. Гусев Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957.

8. Володина Н. В. Роман Л. Н. Толстого в оценке Н. Д. Ахшарумова (статья вторая) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2016. № 5. С.109–114.
9. «Книжный вестник», 1866. № 16–17.
10. Лесков Н. С. Фельетон. «Война и мир». Сочинение графа Л.Н. Толстого. Том шестой // Биржевые ведомости. 1870. № 149 (суббота, 4 апреля). М., 1869. Без подписи.
11. Соловьев Н. И. Война и мир? Критика нового произведения гр. Л. Н. Толстого / Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. Л., 1989. С. 171–193.
12. Суворин А. С. (А. *И-н*). «Война и мир». Сочинение графа Л. Н. Толстого. 3 тома. М., 1868 // Русский инвалид. Журнальные и библиографические заметки. 1868. № 11 от 13 января.
13. Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Полн. собр. соч. в 16 т. М.: Изд-во ГИХЛ, 1955. Т. 16.
14. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1968.
15. Тургенев И. С. / Русские пропилеи». М., 1916. Т. III.

THE PECULIARITES OF LEO TOLSTOY`S NOVEL “WAR AND PEACE” IN LITERATURE CRITICS OF THE 1860s

Tatyana V. Zateeva
Doctor of Philological Sciences, professor,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude, 670000 Russia
E-mail: vlatat1954@yandex.ru

Tatyana A. Kozulina
Magister group 18162m,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude, 670000 Russia
E-mail: t.kozulina2010@yandex.ru

In the article the perception of Leo Tolstoy`s novel “War and Peace” in literature criticism of the 1860s is defined. Based on the material of the reviews of aesthetic approach by N.D. Akhsharumov, P.V. Annenkov, N.I. Solovyev, the writer I.S. Turgenev the question of the role of one`s lifetime criticism in formation of genre-history of epic novel “War and Peace” is under study. Some peculiarities of literature-critical writers` views in the dispute concerning Tolstoy`s genre innovation are cleared out: the acknowledgement of the differences between “War and Peace” and genre canon according to the historical novels of Sir Walter Scott; defining the features which make genre differentiation of the novel difficult. It is stated that community of aesthetic views of critics stipulated the concentration on defining Tolstoy`s artistic discoveries — the skill of creating “scenic pictures” of historical, military and family life. The meaning of Turgenev`s perception as the fore-runner in the solution of the epic character of “War and Peace” is defined.
Keywords: Tolstoy, “War and Peace”, perception, historical novel, hero, epic, innovation, guile.